

Валентин Гефтер: «Совет стал более многочисленным, а по качеству, я считаю, он уступает прежнему»

Валентин Михайлович Гефтер (родился в 1944 году в Москве) — правозащитник. Окончил механико-математический факультет МГУ. Работал в Институте высоких температур Академии наук СССР, имеет научные труды.

С лета 1995 года после поездки волонтером в Чечню стал сотрудничать с Правозащитным центром «Мемориал», где ведет (с 1996 года) программу «Преследования по политическим мотивам в странах СНГ» и является членом Совета Правозащитного центра. С 1998 года возглавляет автономную некоммерческую организацию «Институт прав человека», в котором становится руководителем или координатором множества проектов, связанных с мониторингом прав человека, защитой прав отдельных категорий граждан и участием правозащитного сообщества в продвижении судебно-правовой реформы в России.

Был помощником депутата Государственной Думы ФС РФ 4-го и 5-го созывов, в 1999–2003 годах — депутата Сергея Ковалёва. Член рабочих групп по разработке законопроектов в сфере мониторинга введения Уголовно-процессуального кодекса и общественного контроля в целях соблюдения прав человека в местах принудительного содержания под стражей. Неоднократно участвовал в полевых наблюдениях по вопросам политических преследований в странах СНГ, автор докладов по данной проблематике. Член Совета при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека в 2008–2012 годах. До недавнего времени был редактором «Российского Бюллетеня по правам человека» и редактором-составителем Российского вестника «Международной Амнистии».

Ред. Валентин Михайлович, ваши правозащитные убеждения сформировались, вероятно, не без влияния отца — Михаила Гефтера, известного историка и свободомыслящего человека?

В.Г. Семья, бесспорно, была важна, но свою роль сыграло и время, общий климат. Оттепель на многое в моем мировоззрении повлияла. Семья не была все-таки откровенно антисоветская. Отец учился в МГУ, воевал.

Ред. То есть настроения были антисталинские, но не антисоветские?

В.Г. Ну да, таких настроений, чтобы сопротивляться режиму, не было. Отец медленно эволюционировал с позиций искреннего ленинца к пересмотру своих взглядов. Когда его сектор в Институте истории Академии наук СССР закрыли, то есть к 1970 году, он стал ближе к инакомыслию. Известна фраза, сказанная о нем главным надзирателем за инакомыслящими, генералом КГБ Филиппом Бобковым: «Он не диссидент, он инакомыслящий».

Ред. Как вы думаете, какой смысл генерал вкладывал в эти понятия?

В.Г. Полагаю, такой: инакомыслящий — это тот, кто не подрывает основы строя, а только его критикует.

Ред. Вы в правозащитную деятельность окунулись не сразу?

В.Г. Я вполне сознательно пошел в естественные науки, поступил на мехмат МГУ. Был там активистом, на втором или третьем курсе стал членом бюро ВЛКСМ факультета, отвечал за культурный сектор, мы занимались достойными делами. Организовали первый вечер Осипа Мандельштама, провели вскоре после кончины Анны Андреевны Ахматовой вечер ее памяти. Такими общественными делами я занимался и под эгидой комсомола, и вне его.

Ред. А когда оттепель окончилась?

В.Г. Еще долгие годы продолжал заниматься наукой и научной информацией и чувствовал, что «затухаю». Тогда это называлось «внутренней эмиграцией».

Ред. Но ведь наступила перестройка.

В.Г. Наступила. К нам в дом приходили люди из Межрегиональной депутатской группы: Виктор Шейнис, Геннадий Бурбулис, Григорий Явлинский. Но я встретил это время с долей скепсиса и даже цинизма. Мне казалось, что диссидентская среда подошла к этому рубежу без подготовленных решений, никто не думал о крушении СССР. Никто не предполагал, что в бывших советских республиках попытаются повторить то, что Европа прошла два века назад, а это случилось. Казалось, что никто не станет реально воплощать общечеловеческие ценности.

Большое разочарование вызвали события октября 1993 года и война в Чечне. К отцу ведь тогда многие обращались, он был одним из гуру. В общем, получилось так, что молодая демократия не выдержала испытания на прочность. Это при том, что Конституция получилась, хоть и не без изъянов, но вполне приемлемая. Тяжелое впечатление произвел и социально-экономический удар по населению. Ушел из жизни отец, война в Чечне набирала обороты. Я ощутил пустоту. И вместе с тем почувствовал, что надо все-таки действовать, встать в строй.

Ред. В чем это выразилось?

В.Г. В 1995 году мы от правозащитного центра «Мемориала» поехали в Грозный с Александром Алтуняном. Надо было разгрузить тех, кто уже давно находился там во главе с Сергеем Адамовичем Ковалёвым. Мы общались с военными и прокурорскими начальниками, пытались искать пропавших людей. Я этой деятельностью увлекся, написал доклад. Руководство «Мемориала» пригласило меня на работу, а я к тому времени из Академии наук уже ушел и был вполне готов.

Ред. Чем конкретно вы занялись?

В.Г. Было две программы, на которые имелись гранты: дискриминация национальных меньшинств в Российской Федерации и политические преследования в странах СНГ. Мы ездили тогда по новым государствам довольно свободно, побывали в Казахстане, Азербайджане, Грузии. С 1996 года начали ездить в Белоруссию, я стал своего рода экспертом по режиму Лукашенко. Постоянно контактировал с Галиной Старовойтовой, был помощником депутатов Вячеслава Игрунова и Сергея Ковалёва. В законотворческом плане прежде всего занимался амнистией по чеченским делам и законами о беженцах и вынужденных переселенцах. К тому времени уже имели место случаи экстрадиции политических оппонентов в страны СНГ. Я общался с их диаспорами в России.

В 1998 году мы побывали в Грузии. Сергей Ковалёв выступал еще и в качестве депутата Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ). Нас принимал сам Шеварднадзе, мы разместились в знаменитой резиденции в Крцаниси. Он принимал радушно и очень хотел показать, что те заключенные, кого считают политическими, на самом деле — уголовники. Ведь в грузинских тюрьмах действительно сидели люди, совершившие покушение на Джабу Иоселиани, но и сам Джаба уже к тому времени сидел. В общем, все друг друга пересажали. Наша группа плотно общалась с Эдуардом Амвросиевичем, и мы сказали ему, что надо объявлять широкую политическую амнистию, на что он ответил: «Я вас понимаю, но еще рано». Через год амнистия была объявлена. Шеварднадзе был одним из немногих, кто на такое пошел.

Ред. Как вы стали директором Института прав человека?

В.Г. В начале 1996 года Комиссия по правам человека под председательством С.А. Ковалёва самораспустилась. Встал вопрос о том, что неплохо бы на месте Российско-Американской проектной группы по правам человека создать мозговой центр, образовать Институт прав человека специально под новые проекты и идеи, в том числе и самого С.А. Ковалёва. Первым директором был (правда, недолгое время) Алексей Коротаяев, потом Институт возглавил я. С 1998 года я — исполнительный директор, а Сергей Адамович — президент. Мы начали небезуспешно работать над отдельными проектами.

Ред. Не взаимодействуя с новым составом Комиссии?

В.Г. У Владимира Карташкина подход был формально-конвенциональный, он же много лет работал в ООН. До мониторинга по «внутренним» правозащитным проблемам там дело не доходило, занимались тем, что я называю «юридистикой». Скорее уж нам помогал новый омбудсмен Олег Миронов. Он быстро эволюционировал от выступающего за смертную казнь чиновника к неплохому пониманию правозащитных проблем. Но, в общем-то, настоящих государственных, тем более президентских, структур тогда не было. Может быть, при позднем Ельцине это не казалось столь необходимым.

Когда Совет возглавила Элла Памфилова, я с удовольствием стал при нем экспертом. Членом на первых порах не был, на встречах с президентом не присутствовал.

Также я работал над усовершенствованием Уголовно-процессуального кодекса в Госдуме вместе с депутатом Е. Мизулиной. Занимался его апробацией, мы ездили по стране, разъясняли и «постатейно» отстаивали отдельные положения нового УПК РФ.

Активно занимались Законом об общественном контроле в местах принудительного содержания^[1], доводили его до ума. Мы работали под руководством Эллы Александровны в различных группах, а также с ее аппаратом и секретарем Совета Вильямом Смирновым. У нашего Института появилось хорошее реноме, хотя у нас было всего пять — семь постоянных сотрудников, остальные работали по грантам.

Ред. Как же вы стали уже членом Совета?

ПОЗИЦИЯ

«Я считаю, что Совет — это самостоятельная общественная, неформальная, если хотите, структура, которая должна работать по своим собственным внутренним правилам, в первую очередь не бюрократическим, а человеческим. И мы, конечно, ПРИ по определению, но это не значит, что президент или его Администрация могут диктовать нам, что нам делать внутри, при подготовке тех или других решений, будь то обновление состава или более серьезные вопросы».

В.Г. В 2008 году при президенте Дмитрии Медведеве формировался новый состав Совета. Элла Александровна меня пригласила. Я знал, кто еще войдет, и без колебаний согласился. Одной из проблем было насилие в милиции. Я попросил Эллу Александровну устроить мне встречу с Владиславом Сурковым по проблемам реформирования МВД. Мы пообщались, он направил меня к министру внутренних дел Нургалиеву. Тот довольно долго меня слушал, но считал, что все недостатки можно исправить в рабочем порядке. Эффекта никакого не было. Даже обновленное Положение об Общественном совете при МВД было принято совсем не в той редакции, в которой хотелось бы.

В Совете сфера моей деятельности оставалась той же: тюрьмы, суды, полиция. Кроме того, я занимался противодействием экстремизму, мы разрабатывали документы вместе с сотрудниками Администрации Президента. В то время был создан Правовой центр, где обсуждались идеи гуманизации Уголовного кодекса, в частности по экономическим преступлениям. Порой удавалось внести существенные поправки и дополнения, но в целом многие усилия оказывались напрасными.

Документ

«В 2010 году с принятием Правительством России Концепции реформы уголовно-исполнительной системы России было принято политическое решение о создании в нашей стране службы пробации. Тем не менее, до настоящего времени такая служба не создана.

... в связи с этим Совет считает необходимым:

1) Принять в 2013 году федеральное законодательство о пробации и ресоциализации обвиняемых и осужденных, в соответствии с которым:

– органы государственной власти субъектов Федерации будут вправе создавать региональные органы пробации;

– в структуре ФСИН России в течение трех лет будет создана Служба пробации и ресоциализации;

– на Службу пробации и ресоциализации ФСИН России, а также на региональные органы пробации, будет возложено:

а) наблюдение за поведением обвиняемых, к которым применены меры пресечения, не связанные с заключением по стражу;

б) изучение социальных условий, в которых живут данные лица;

в) представление суду данных проведенного обследования (досудебного доклада) социальных условий, социальных и психологических характеристик обвиняемого для их учета при назначении размера и вида наказания;

г) исполнение видов наказания, не связанных с лишением свободы;

д) организация выполнения предписаний суда, связанных с проведением в отношении осужденных мероприятий социального и психологического характера;

е) исполнение наказания в отношении лиц, к которым лишение свободы применено условно или отсрочено;

ж) исполнение наказания в отношении лиц, которые освобождены из мест лишения свободы условно-досрочно, в связи с заменой наказания более мягким;

з) контроль за поведением лиц, которые освобождены от наказания в виде лишения свободы на основании акта амнистии либо акта помилования;

и) проведение в отношении указанных лиц на обязательных, а в отношении обвиняемых и освобожденных на основании акта амнистии или помилования – на добровольных началах, реабилитационных и социализирующих программ;

к) организация процесса примирения при помощи посредника между потерпевшим и жертвой преступления, проведение примиряющих процедур между обвиняемым и потерпевшим; контроль за исполнением обязательств по заглаживанию потерпевшему причиненного вреда в соответствии со ст. 76 УК РФ;

л) формирование у лица, в отношении которого осуществляется пробация, уважительного отношения к правам и законным интересам потерпевших и иных лиц;

м) разработка и реализация индивидуальной программы социальной реабилитации.

– численность Службы пробации должна определяться Правительством Российской Федерации по нормативу не более 30 человек на одного сотрудника Службы пробации;

– в целях достижения целей наказания следует предусмотреть возможность краткосрочной (на срок от трех дней до одного месяца) изоляции лица, проходящего пробацию;

– следует рассмотреть возможность передачи отдельных функций пробации подходящим для этого некоммерческим общественным объединениям, имеющим соответствующий опыт деятельности;

– в структуре органов МВД России необходимо восстановить институт инспекторов профилактики».

Из Рекомендаций Совета по итогам специального заседания на тему «Гражданское участие в реформе уголовно-исполнительной системы», 5 апреля 2013 года

Добивались также принятия Закона «О пробации в Российской Федерации и системе органов и организаций, ее осуществляющих». Это система мер социального сопровождения заключенного, когда в том числе составляется его социальный портрет – в период следствия и суда, а также в помощь дальнейшей его ресоциализации. Многие положения согласовали в Рабочей группе Администрации Президента Медведева с подачи Минюста, но в целом Закон не прошел. А ведь это важно: человек попадает в трудные условия, особенно, если он, например, инвалид. На Западе и даже в некоторых бывших союзных республиках это уже принятая практика, как и альтернативные меры наказания.

Совместно с Тamarой Георгиевной Морщаковой мы занимались также резонансными уголовными делами, делом Магнитского, организацией общественной правовой экспертизы в связи со вторым делом Ходорковского, приведшей потом к так называемому делу экспертов, старались это донести до властных структур.

Занимались и темой борьбы с коррупцией. У нас борьба с коррупцией понимается все-таки – «как бы лучше наказать виновных?» Причем, в первую очередь, конечно, чиновника, должностное лицо. **С моей точки зрения – это путь в тупик.** Никогда никакое ужесточение само по себе результата не даст! Не буду отсылать вас к Китаю и Сингапуру – я говорю про нашу страну и про наши традиции. Но, что еще страшнее для меня – это нарушение прав человека, сопровождающее вот эту «показательно-наказательную» борьбу с коррупцией. Мне кажется, что такой подход ошибочен. Как бы тяжелы ни были коррупционные преступления со стороны должностных лиц – все равно презумпция виновности недопустима.

Ред. Вы тесно соприкасались с политикой?

В.Г. Перед выборами президента Совет, я считаю, оказался между уличной оппозицией и властью. Я участвовал в мониторинге митингов и демонстраций. Пробивал в соавторстве с коллегами Закон о московском омбудсмене.

В Совете происходили перемены, ушла Элла Памфилова, произошли события конца 2011 года. Частично Совет радикализировался, часть его членов ушла после возвращения Путина на пост президента. Мы продолжали работать, но летом 2012 года произошло ужесточение Закона о некоммерческих организациях путем введения так называемых «иностранных агентов»[\[2\]](#).

Когда на место Суркова пришел Володин, он затеял избирать Совет с помощью голосования по Интернету. Вот уж против этой абсурдной идеи я стал «возбуждать». Но некоторые на это соглашались. Регулирование состава Совета пошло извне, и к ноябрю 2012 года, когда готовился Указ о новом составе Совета, в нем оказались и депутаты Госдумы, и члены Общественной палаты. Я протестовал: зачем этим людям столько должностей, они же не смогут полноценно работать! В итоге Совет стал более многочисленным, а по качеству, я считаю, он уступает прежнему. Мы не смогли уже протестовать против принятия Закона о государственной измене и других. Я ушел. Михаил Александрович считает меня ренегатом.

Документ

«Ситуация почти нескрываемого наступления российских парламентариев на ряд конституционных прав граждан очевидна для многих. Это относится и к уже реализуемому ужесточению порядка и административной ответственности за проведение мирных собраний, и к введению цензуры в Интернете под предлогом борьбы с детской порнографией и педофилией, и, наконец, к совершенно избыточному и юридически бессмысленному превращению законопослушных некоммерческих организаций в «иностранных агентов».

Показательно, что одиозные законопроекты принимаются в необъяснимо спешном порядке. При этом их авторы и лоббисты демонстративно игнорируют Указ Президента РФ от 7 мая 2012 года № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления», которым предписано «сформировать систему раскрытия информации о разрабатываемых проектах нормативных правовых актов, результатах их общественного обсуждения», предоставляя «не менее 60 дней для проведения публичных консультаций».

В этой связи Совет призывает снять с рассмотрения законопроекты № 102766-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента», № 89417-6 «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу ограничения доступа к противоправной информации в сети Интернет» и официально вынести их на общественное обсуждение, чтобы исключить укоренение неконституционных норм и практик.

Еще не поздно вернуться в правовое поле цивилизованного диалога государства с гражданским обществом — в интересах всех россиян и авторитета страны в целом».

Из заявления членов Совета от 3 июля 2012 года, которое подписали: Светлана Айвазова, Людмила Алексеева, Лев Амбиндер, Сергей Воробьев, Светлана Ганнушкина, Валентин Гефтер, Алексей Головань, Даниил Дондурей, Иван Засурский, Кирилл Кабанов, Сергей Караганов, Сергей Кривенко, Ярослав Кузьминов, Борис Кравченко, Фёдор Лукьянов, Тамара Морщакова, Дмитрий Орешкин, Эмиль Паин, Мара Полякова, Борис Пустынцев, Сергей Цыпленков, Ирина Чугуева

Ред. Однако сотрудничество с Советом вы не прекратили?

В.Г. Я активно работаю как эксперт. Занимаюсь тюремным направлением и общественным контролем закрытых учреждений, сотрудничаю с Комиссией по миграции. Вхожу в две межведомственные правительственные группы по тюремным и по полицейским вопросам. Предлагал создать экспертную группу по мониторингу законодательства по правам человека в целом.

Получил одобрение законопроект «О поддержке общественных наблюдательных комиссий». Они особенно помогли бы в местах принудительного содержания.

Еще я занимаюсь продвижением законопроекта «О предупреждении пыток и жестокого обращения». Такой специальный нормативный акт и соответствующий национальный превентивный механизм (НПМ) есть в 26 государствах – членах Совета Европы. В Европе это идет как мониторинг, сопровождающий применение основной Конвенции против пыток, у нас же само это понятие в уголовном законодательстве не прописано, а самой этой идее есть активное противодействие: достаточно, мол, формулировки «превышение должностных полномочий». Хотя удалось сказать об этом президенту, он кивнул головой и выразил согласие.

[1] Имеется в виду Федеральный закон от 10 июня 2008 года № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» // Собрание законодательства РФ. – 16.06.2008. – № 24, ст. 2789.

[2] Федеральный закон от 20 июля 2012 года № 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» // Собрание законодательства РФ. – 23.07.2012. – № 30, ст. 4172.